

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. ИЗИНГ

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ ПОДСИСТЕМ*

Хотя большинство ученых не спорит о том, что целью типологического исследования является определение основных признаков анализируемого объекта путем его описания, тем не менее неодинаковые свойства объекта и цели исследования открывают самые различные возможности, позволяющие выделить наиболее существенные черты из всей совокупности явлений и обратить наибольшее внимание на те или иные из них. Это относится также и к лингвистическому исследованию общетеоретического характера, стремящемуся к установлению типологии языковых структур и тем самым к более глубокому пониманию природы человеческого языка, его внутреннего строения, закономерностей его функционирования и развития. При этом именно советские лингвисты нередко указывали, что исследование типологии различных функциональных видов языка и их соотношения друг с другом с учетом экстралингвистических факторов не менее существенно, чем изучение других общетеоретических проблем. Постановка такой задачи предполагает, однако, что язык уже не будет рассматриваться как гомогенная и автономная система; предметом исследования становятся системные варианты, подсистемы языка, причем критерии такой типологии должны соответствовать особенностям предмета исследования. В этой связи ниже будут рассмотрены некоторые основные вопросы.

При типологии структур различных языков в качестве величин сравнения или единиц отсчета, как правило, используются языковые категории. Вряд ли, однако, целесообразно в каждом случае переносить эту процедуру на типологическое исследование языковой системы и ее подсистем. Подсистемы, о различных свойствах которых мы еще будем говорить, в подавляющем большинстве случаев представляют собой системные варианты части языковой системы, принимаемой в качестве нормы. Можно было бы, пожалуй, признать относительную структурную самостоятельность диалектов в рамках современных национальных языков; однако коммуникативная значимость диалектов в современном обществе постоянно убывает. Языковая реальность представляется в настоящее время в виде шкалы самых разнообразных градаций, охватывающих не только вертикальное пространство между полюсами «основной слой языка» (*Grundschicht*) и «языковой стандарт» (*Hochsprache*), но и функциональные стили (в самом широком смысле этого термина), обусловленные коммуникативной ситуацией и предметом коммуникации. Лингвистика, занимавшаяся до сих пор главным образом исследованием письменного языка и диалектов, в наше время стоит перед необходимостью понять системную вариаци-

* Статья представляет собой доклад, прочитанный автором на Пятой научной сессии по вопросам германского языкознания в ноябре 1969 г. (Москва).

тивность языковой реальности, ее коммуникативную релевантность и основные причины, определяющие сущность этой вариативности. Типология, которая, в зависимости от обстоятельств, охватывает целостную языковую систему компетентного говорящего-информанта или определенной группы говорящих, и противопоставляет ее другим системам, отличающимся только наличием определенных вариантов, была бы безусловно в состоянии выделить основные различия таких систем; однако подобная процедура наталкивается как на теоретические, так и на практические трудности. Языковые подсистемы существуют, по определению, лишь по отношению к иерархически более высоко организованной языковой системе. Представляется поэтому правомерным отделить системные варианты какого-либо языка от его нормы, требующей специального определения (в общей форме норма соответствовала бы письменному языковому стандарту). Такая норма по необходимости представляет собой абстракцию; однако и системные варианты выделяются из языковой реальности только в форме абстрактных вариационных моделей языка. Первый шаг на пути к типологии языковых подсистем, таким образом, состоит в определении основных различий этих подсистем по отношению к стоящей над ними нормативной языковой системе. Такая процедура уместна по отношению к большинству европейских национальных языков.

Национальные языки структурированы не только изнутри; существует системное соотношение между национально-языковой нормой и отдельными подсистемами, а также между самими этими подсистемами. Для уяснения сущности соотношений подобного рода представляется необходимым более детально охарактеризовать системные варианты того или иного языка и даже сделать их предметом типологии. В связи с этим необходимо прежде всего определить, образовалась ли данная подсистема на всех языковых уровнях или она охватывает только определенные части языка и лишь этим отличается от нормы. Даже подсистемы, охватывающие несколько языковых уровней, с точки зрения своей коммуникативной релевантности и территориального распространения могут быть весьма различными.

Различие становится явным, если систему фонетических, морфологических, синтаксических и лексических различий, обозначаемых обычно как «повседневный язык» (*Alltagssprache*), противопоставить отдельным диалектам. В первом случае мы имеем дело со специфическими особенностями разговорного языка, которые в свою очередь включаются в более широкие рамки национально-языковой нормы (в статистическом смысле), имеющей широкое распространение при коммуникации внутри общества, но регионально не ограничены. Эти особенности с точки зрения национально-языковой нормы можно охарактеризовать как уровень нижнего функционального стиля, а с точки зрения целостной структуры национального языка характеризуется как наиболее высокий пласт в рамках нормы. Напротив, отдельные диалекты имеют лишь ограниченную региональную и коммуникативную релевантность. До тех пор, пока они не находятся в процессе распада или выравнивания, они представляют собой относительно стабильную языковую систему, в рамках которой развивается определенная нормативная тенденция. Именно в этом последнем отношении они отличаются от повседневного языка, который характеризуется чрезвычайной вариативностью, т. е. степень отклонения от нормы меняется в зависимости от коммуникативной ситуации или коммуникативных намерений говорящих.

Противопоставление повседневного языка и диалекта приводит к выделению еще одного критерия, который важен для типологии языковых подсистем: степени вариативности (*resp.*, стабильности) внутри подсистемы.

Этот критерий приобретает особую значимость для типологического определения так называемых средних языковых пластов, которые образуются в переходной зоне между диалектами и национально-языковой нормой и обычно обозначается термином «обиходный язык»¹. Проведенные в последние десятилетия обстоятельные дискуссии, посвященные определению понятия и сущности обиходного языка привели к мнению, что в промежутке между диалектами и письменным языком не царит безграничная вариативность, не подчиняющаяся никаким правилам, но что и региональные обиходные языки «прикреплены» к системе, хотя последняя может носить очень открытый, а часто лишь потенциальный, характер. Точное определение соотношения вариативности и «прикрепления» к системе приобретает особое значение при типологическом рассмотрении. Оно прежде всего создает предпосылку для включения средних языковых пластов в общую структуру национального языка. Уже при первом ознакомлении с языковой ситуацией в Германской Демократической Республике становится понятным, что средние языковые пласты следует различным образом расположить между крайними полюсами вертикального языкового расслоения. В то время как в северных районах обиходный язык в значительной мере ориентирован на национально-языковую норму, и диалектные особенности встречаются лишь в определенных явлениях (ср., например, использование фрикативного в словах *Erfolch, zeicht, Tach* вместо *Erfolg, zeigt, Tag* или краткость гласного в словах *Gras, Rad, nach* вместо *Gräs, Räd, nāch*) обиходный язык средних областей, характеризующийся особенно влиянием берлинского говора, в большей мере вбирает в себя диалектные элементы (ср., например, *-t* в исходе слова: *det* «das», *wat* «was», а также во флексиях: *j* вместо *g*, *o* вместо *au* в словах *lofen, jloben, «laufen», «glauben», ville «viel»* и т. д.). Наконец, верхнесаксонско-тюрингский обиходный язык во многих отношениях еще дальше отходит от орфоэпической нормы (ср., например, округленные гласные, слияние звонких и глухих смычных). Подобная характеристика представляет собой лишь «среднюю величину», присущую трем основным типам региональных обиходных языков в ГДР. Задачей типологического анализа в настоящее время должно быть исследование того, группируются ли варианты разговорного языка вокруг этой средней величины более или менее беспорядочно или они группируются системно, образуя более высокие и более низкие пласты. Первые исследования расслоения разговорного языка показали, что системные варианты чаще всего встречаются там, где языковая система наиболее закрыта, т. е. в фонетико-фонологической области. Средние языковые пласты не следует объяснять просто как переходные зоны между нормой и основным слоем языка. На то, что в этой переходной области они консолидируются в самостоятельную систему, указывают два явления: в широких ареалах, особенно в бранденбургской языковой области, в Нижней Лужице, в некоторых частях Верхней Саксонии и Тюрингии, местные диалекты больше не имеют коммуникативной функции: они представляют лишь пассивный языковый запас жителей старшего поколения. Их место занял обиходный язык, выступающий в виде языкового типа с широким ареалом распространения. В других областях этот тип обиходного языка, охватывающий широкий языковой ареал, распространяется из определенных «центров излучения», колеблясь между нормой и местным основным типом языка. Тип обиходного языка, имеющий берлинскую окраску, уже восторжествовал в центральной части района Бранденбурга (Mittelmark)

¹ «Обиходный язык» (Umgangssprache) употребляется немецкими диалектологами в значении, в котором у нас употребляется термин «полудиалект» (Halbmundart).— *Примеч. перев.*

и распространяется в настоящее время вплоть до северных районов; в северных частях района Бранденбурга (Nordmark) в рамках этого обиходного языка *j* частично употребляется вместо *g* (*ville* «viel»), в то время как в диалекте и в языковой норме находим *g* (соответственно *väl*). Следует даже указать на то, что подобные особенности обиходного языка, происходящего из других областей, могут оказывать влияние и на диалект. Нижненемецкий диалект Магдебурга и ареала, окружающего его, заимствовал округленные гласные из обиходного языка, имеющего верхнесаксонскую окраску, хотя с исторической точки зрения эти последние для него не характерны. Все эти примеры показывают, что стабильность языковых подсистем является важным критерием типологического определения.

Языковые подсистемы, как уже указывалось, следует с другой точки зрения понимать как вертикальное расслоение разговорного языка. Необходимо прежде всего указать на те подсистемы, которые охватывают только определенные области или уровни языка или касаются особенностей коммуникативной ситуации. К первым принадлежат прежде всего особенности на лексическом уровне языка, которые неточно обозначаются как специальные, профессиональные языки и т. п. В своей совокупности они не связаны с какой-либо узкой региональной областью, если, конечно, они не представляют собой предметных группировок, ограниченных регионально. О стабильности лексических подсистем можно говорить лишь в очень ограниченном смысле; однако в своей совокупности они выделяются из общезыкового словарного состава в совершенно другом плане. В качестве крайнего случая здесь можно было бы сравнить словарный состав охотничьего языка (он с достаточной точностью может быть инвентаризован) с теми особенностями словаря, которые обычно обозначаются как сленг, жаргон или нерышливый стиль.

Последний пример приводит нас к рассмотрению явления, которое можно считать еще одним критерием типологии языковых подсистем. Речь идет о взаимном проникновении или перекрещивании отдельных системных вариантов. Наиболее часто наблюдается связь средних языковых пластов с лексическими подсистемами. Языковая коммуникация на многих производственных предприятиях характеризуется именно этим языковым типом. Профессиональные особенности проникают также в диалекты в тех случаях, когда диалекты в настоящее время еще сохраняют коммуникативную функцию в обществе. Однако необходимо провести различия между словарным составом тех профессиональных областей, которые по своему происхождению связаны с диалектом (ср., например, профессиональный словарный состав языка сельского хозяйства или мореплавания) и словарным составом тех областей, которые не в первую очередь интегрируются в диалектную языковую систему (ср. определенные области профессионального словаря железнодорожного дела). По мере развития научно-технической революции, которая ведет к значительным преобразованиям в лексических подсистемах, эти различия постепенно снимаются.

Резюмируя сказанное, можно перечислить следующие критерии, которые имеют первостепенную важность для типологии языковых подсистем: 1) включение в иерархическую систему национального языка в виде вертикального языкового пласта или в виде функционального стиля (в самом широком смысле этого термина); 2) степень стабильности подсистемы; 3) охватываемые подсистемой языковые уровни; 4) взаимопроникновение подсистем; 5) региональное распространение и 6) коммуникативная релевантность подсистем при языковом общении.

Оба последних пункта, согласно соссоровской терминологии, принадлежат уже к внешней лингвистике. Территориальное распространение и коммуникативная релевантность, однако, являются самыми обычными

условиями существования языковых подсистем в обществе. Именно поэтому они с полным правом стали рассматриваться как объекты лингвистики и лишь косвенно затрагивают упомянутые выше экстралингвистические факторы в типологии языковых структур. Языкознание, ориентированное на практику, должно исследовать общественную обусловленность форм существования языка и таким образом выйти за узкие рамки своего объекта. Взаимоотношением между языком и обществом в последнее время особенно занимались языковая прагматика и социолингвистика. В этой связи следовало бы выяснить, в каком направлении необходимо дополнить указанные выше лингвистические критерии типологии с точки зрения социолингвистики.

Типология языковых подсистем не только создает предпосылки для соотнесения с социальными факторами более или менее произвольно выбранных языковых явлений (как это часто встречается в традиционном буржуазном языкознании), но и для понимания соотношения языка и общества как диалектического отношения двух ориентированных друг на друга систем. Понятие социальной обусловленности языковых структур отражает примат общественных отношений. Общественное развитие, естественно, отражается в изменениях национальной языковой нормы. Эти изменения, учитывая общественную сущность языка как такового, могут стать объектом социолингвистического исследования в широком смысле. В качестве междисциплинарной области исследования, рассматривающей комплексные проблемы языкознания и социологии с лингвистической точки зрения, социолингвистика должна рассматривать социальную обусловленность всех форм существования языка и их статус и значение в общественных процессах коммуникации. В этом отношении социолингвистика относится к области исследования марксистской социологии.

Объектом социолингвистической типологии являются прежде всего процессы языковой интеграции, которые происходят на основе процессов общественной интеграции в рамках развитой системы социализма и научно-технической революции. Такая типология должна разработать критерии, которые позволили бы более детально определить коммуникативную значимость языковых подсистем в этих общественных процессах и которые на основе известных закономерностей и тенденций развития дали бы возможность делать прогнозы относительно изменений в структуре национального языка. В этой связи возникают следующие три вопроса: 1) в какой мере языковые подсистемы могут отражать изменения в общественном сознании? 2) в какой мере языковые подсистемы могут отражать общественную реальность в условиях научно-технической революции? 3) в какой мере языковые подсистемы, выступающие как более интенсивные контактные формы человеческой коммуникации, могут сохранить при указанных условиях свое значение?

Эти вопросы еще требуют глубокого исследования для своего выяснения и особенно эмпирического исследования, построенного на новых подходах и концепциях. Противоречивость вопросов, однако, показывает сложность проблемы. Языковая интеграция не может означать языкового единообразия, вариативность в смысле вертикального расслоения может надолго оставаться признаком развитых общественных структур.

Однако языковая интеграция означает, что подсистемы с малой коммуникативной релевантностью, возникшие и сохранившиеся благодаря более ранним общественным укладам, постепенно исчезают. В деревне обиходные языки, имеющие широкий ареал распространения, все более используются в кругу семьи и на производственных предприятиях вместо диалектов. Они в значительно большей степени, чем диалекты, могут вос-

принимать и отражать изменения общественной реальности и общественного сознания, так что их границы по сравнению с письменной нормой становятся все более текучими. Новые определения понятий письменного языка (например, определения, сформулированные Пражской лингвистической школой) отражают эти тенденции развития. Они показывают, что с изменением характера общественной коммуникации увеличивается вариативность в пределах письменного языка. В той мере, в которой уменьшается противоположность между общественной и частной сферой, граница между письменно-языковой нормой и региональным обиходным языком становится все более текучей. Возрастающая роль публичных устных высказываний, воздействие массовых средств коммуникации, популяризация науки ведут к слиянию обеих сфер. Эти изменения, характерные для языковой ситуации в ГДР, безусловно осуществляются в своих основных чертах и в других социалистических странах. Совпадения этого развития, а также различия, обусловленные особыми условиями отдельных стран, в будущем станут объектом совместной работы лингвистов социалистического содружества государств.

Перевел с немецкого *М. М. Маковский*
